

Юрий НАГИБИН

Л Е Т Я Щ Е Е С О С Ц Е Н Ы С Л О В О

Одним из самых сильных впечатлений всей моей жизни был и остается Театр одного актера Владимира Яхонтова. Я пользовался каждой возможностью, чтобы попасть на его концерты; композицию по Достоевскому «Настасья Филипповна» слушал не меньше десятка раз, столько же «Графа Нулина» и программу, посвященную Маяковскому. Еще я любил Дмитрия Орлова, изумительного театрального актера и несравненного чтеца. Как лукаво и мудро читал он народные сказки и горьковский рассказ про обезьяну! Трогал меня до слез — он и сам плакал, читая «Старосветских помещиков» и монолог Карла Ивановича из «Детства» Толстого, — Игорь Ильинский. А сколько юмора было в его исполнении «Золотого петушка» и рассказов Зощенко! И все же лучше всех читал Зощенко, сам Зощенко. Неописуем контраст спокойного голоса и невозмутимости печального лица Михаила Михайловича с безумно смешным текстом. Однажды меня потряс «Невский проспект» пафосный Антон Шварц; чувство полного эстетического комфорта охватывало, когда Всеволод Аксенов читал «Кармен» Мериمة или парламентскую речь Байрона.

Но в пятидесятые годы мое увлечение концертным чтением как-то полиняло, кумиры ушли или постарели, а новые не захватывали, хотя были среди них мастера своего дела. Стихи я предпочитаю слушать в исполнении самих поэтов. Многие читают превосходно, хотя порой на последней границе хорошего вкуса, но им это простительно. Одни неистовствуют, заклинаят, другие плачут и молятся, третьи забывают или вколачивают стихи, как гвозди, в мозг слушателей, но все это талантливо, вдохновенно, самобытно и в необузданности своей захватывающее. Рядом с ними манера профессиональных чтецов стала казаться пресной.

Мне нравится, как читает прозу Юрий Каюров, но, к сожалению, он выступает очень редко, да и то лишь по телевидению; привлеку, опять же в прозе, Юрий Мышкин, но уже по своей вине я надолго потерял его. Не называю талантливую Елизавету Ауэрбах — она исполняет собственные рассказы, а это совсем другой род речевого искусства. И вот недавно, привлеченный афишей заслуженного артиста РСФСР Юрия Мышкина, я пошел в концертный Зал имени Чайковского на необычную программу, называвшуюся «Пушкин и Петр I», автором ее был сам чтец.

Признаться, не думал, что такая «специальная» программа, требующая немалой подготовки слушателей, соберет столь большую аудиторию. Могу ответственно утверждать: если бы какому-нибудь безумцу на Западе вспало на ум выступить с подобной программой (на отечественном, разумеется, материале), он оказался бы перед пустым залом. Помимо всего прочего, как же высок уровень нашей аудитории! Ведь сколько народу явилось слушать не стихи и прозу Пушкина — его конспект, наметку несостоявшейся работы, разрозненные записи о днях давно минувших, в жгуче морозный январский вечер. Нет сомнения, что зал не вместил бы всех желающих, если б об этой необычной и не слишком располагающей

по афише программе, которая не вчера появилась, было хоть слово сказано в прессе. И что за этим молчанием — лень, равнодушие или расточительность?.. Все же слово должно быть сказано, чтобы знали, какое интересное и содержательное представление сотворил мастер художественного слова Юрий Мышкин.

Программа, сделанная способом весьма непростого монтажа, дает больше, чем обещает афиша. Костяк, естественно, — пушкинские «Материалы к истории Петра Великого», но, кроме того, сюда включены письма Пушкина и дневниковые записи, покаянное письмо царевича Алексея к отцу и ответ Петра, петровские указы, стихи Пушкина — всего несколько строк. Есть цитаты из Белинского и Юрия Олеши. Куски соединены текстом, взятым из отличной книги пушкиниста И. Файнберга «Незавершенные работы Пушкина».

Большая цитата из Герцена, с которой начинается программа, и ставит главную тему, и как бы задает тон: «Пора действительно ознакомить Европу с Русью... Пусть она узнает ближе народ, который как-то чудно умел сохранить себя под игом монгольских орд и немецких бюрократов, под капарльской палкой казарменной дисциплины и под позорным кнутом татарским, который сохранял живой ум и широкий разгул богатой природы под гнетом крепостного состояния и в ответ на царский приказ Петра Великого образоваться ответил через сто лет громадным явлением Пушкина». Великолепная формулировка!

Мышкин так и строит свою композицию: через Пушкина к Петру, от Петра к России и обратным движением к Пушкину — величайшему воплощению народного духа. Три образа строятся параллельно: Пушкин, Петр, Россия, но, разумеется, это не математические параллельные линии, которые пересекаются лишь в бесконечности, здесь постоянно происходит пересечение, слияние, отторжение и вновь пересечение. Пушкин был в высшей степени одарен историческим и государственным чувством. Он гордился прошлым своей родины и говорил, что не хотел бы другой истории для России. Но, восхищаясь громадной преобразовательской деятельностью Петра, он видел и беспощадность его методов, и ту жестокость, которая далеко не всегда диктовалась соображениями «высшей пользы», а словно передавалась этому Романову от самого значительного и страшного из Рюриковичей. Двойственность Петра не только в его личности, но и во всей деятельности: мудры его законы, но вздорны указы, которые с жутковатым бесстрастием читает Мышкин. И все-таки Петр велик, и Пушкин был человеком для петровских, но отнюдь не для николаевских дел. Уж Петр, искавший таланты с не меньшим пылом, чем Центральное телевидение, дал бы развернуться до конца гению и энергии человека, о котором даже дубина Николай I обмолвился: «умнейший муж России», после чего сделал все возможное, чтобы погасить свет этого ума.

Пушкин обратился к Петру в пору своей художнической и гражданской зрелости. В композиции закономерно и последовательно развивается трагическая тема последних лет

жизни поэта. Пушкин женился по любви, по страсти, но каким уродством обернулся брак первого поэта с первой красавицей России. На ней остановил свой оловянный взгляд император Николай, он хочет видеть Наталью Николаевну при дворе, и Пушкина, которому шел четвертый десяток, обряжают в камер-юнкерский мундир, что лестно для юного паркетного шаркуна, но унижительно для зрелого мужа, главы семьи, знаменитого писателя. Тщетно пытался Пушкин скинуть ненавистную «машкелу», ему было объявлено, что придворную службу он волен оставить, но к тайным архивам — источнику всех сведений о Петре — его уж не допустят. На это Пушкин пойти не мог — в создании труда о царе-преобразователе он видел главное дело своей жизни: тут и долг перед русской историей, и соображения пользы России — обратить ее взор к тому, кто не терпел косности, застоя, кто поставил великие цели и доказал, что русскому народу все по плечу, тут видел он и высшее воплощение своей зрелой силы, и спасение от тисков вечной нужды, а следовательно, свободу от ненавистного двора и царя со всеми его приспешниками. Как горестно звучат в устах чтеца письма Пушкина по этому поводу Бенкендорфу и как жутко — бездушная переписка последнего с Николаем.

Вот как сложно и нерасторжимо связалась судьба Пушкина с Петром, труд о котором мог дать измученному поэту независимость и покой. В этом — нерв композиции.

Оттого так значительно и трепетно каждое слово, летящее со сцены в зрительный зал. Нет, не о мертвечине далекого прошлого, достойны пыльных архивов рассказывают нам — о живой муке великого художника, о страстях России, которую то вздергивает на дыбы железная десница Петра, то медленно душат белые холеные руки Николая. И поражает, как в тяжелейшие дни унижений, травли, безысходности, нагнетаемой усилиями императора, двора и светской черни, мощно, ясно и пронзительно работал мозг Пушкина и как в быстрых записях строилась и вырастала грандиозная, страшная и необходимая для будущего России фигура Петра, и как вырастал над трясинной горестей, обид и забот сам Пушкин.

Большое культурное дело сделал талантливый артист. Чтение Юрия Мышкина, настоящего мастера, уверенно и прочно владеющего всеми секретами своей профессии, заслуживает самых больших похвал. В нем — сдержанность, не становящаяся сухостью, тусклым объективизмом, выразительность, не переходящая в натужный пафос. Артист не лицедействует, что было бы ужасно, но, изменяя голос, что-то едва заметно меняя в осанке, жесте, то скупом, то широком и всегда уместном, дает почувствовать: вот Пушкин, вот Петр, вот Николай, а вот исчезает все личностное — звучит голос самой истории.

Исполненное на «Бис» Вступление к «Медному всаднику» прозвучало как естественный финал программы, ибо через любимое детище Петрово, столь же любимое Пушкиным, вновь сочетаются поэт и царь, но не тот, что был душителем русского гения, а тот, что прорубил окно в Европу и вывел Россию на мировые пути.